

ли на фронт без оружия, где они подвергались смертельной опасности и ежедневным угрозам со стороны вооруженных националистов.

На фронте побывали и несколько наших товарищей. Никто из них не шел на войну добровольно. Они не были согласны с целями войны. Но избежать военной службы было невозможно.

После войны суд не хотел легализовать партию. Самыми опасными пунктами нашей программы, по их мнению, были самоуправление, общественная собственность, политика братства и единства, восстановление Югославии. В конце концов, мы победили. После этого у нас не было проблем. Несмотря на блокаду со стороны СМИ, меня показывали несколько раз по ТВ и люди смогли узнать о существовании партии и её программе. Самыми большими нашими проблемами сейчас являются почти полная блокада со стороны СМИ и несправедливое избирательное законодательство. Оно мешает небольшим партиям участвовать в выборах.

Рабочие в России часто говорят левым: «У нас уже был социализм, хватит!» У Вас в стране есть похожие настроения? Как рабочие оценивают свою жизнь в бывшей СФРЮ?

Рабочие сейчас живут очень тяжело. Думаю, значительно тяжелее, чем в России. Вот почему большинство из них меняет своё отношение к югославскому социализму или «социализму». В 90-е годы у них было очень плохое мнение об этом строе. Но, по мере того как кризис нарастал, они начали вспоминать все достижения той системы. То, что многие рабочие вынуждены были в поисках работы ездить в ФРГ и другие западные страны, сегодня уже не рассматривается как «минус» югославского строя. Уже не вспоминают и тогдашний высокий уровень безработицы, так как сегодня уровень безработицы 40%...

Как я же говорил, мы контактируем со многими рабочими, особенно с теми, которые организованы в профсоюзы. Это рабочие в возрасте от 40 до 60 лет. Они положительно настроены в отношении социализма. Некоторое опросы общественного мнения показывают, что основатель «социалистической» Югославии Йосиф Тито (он умер в 1980 году) является самым популярным политиком не только в Боснии и Герцеговине, но и в других бывших югославских республиках. Конечно, это не значит, что рабочие поддерживают нас так, как нам того хотелось бы.

Отрицательные стороны югославского варианта социализма всё ещё являются проблемой в нашей пропаганде. Больше всего рабочие недовольны недостатком демократии и политической свободы, коррупцией, кумовством и «утопическим характером» самоуправления и социализма.

Самоуправление у нас было введено в 1950. Начались демократические процессы, могущество партии не было таким большим, как в СССР. В Югославии элементы социализма и демократии в гораздо большей степени согласовывались между собой, чем в Восточной и Центральной Европе. Но все же объявленные цели не были достигнуты.

С начала 1970-х гг. наша экономическая система была неспособна обеспечить прогресс и стабильность. Производство падало, а число безработных росло. Самоуправленческий социализм должен был освободиться от давления государства и партии. Необходимо было расширить права рабочего класса. Но это означало бы реальную власть для рабочих, а бюрократия не могла это допустить.

Есть ли трудности в привлечении в партию людей той или иной нации? К стати, Горан, а кто вы по национальности?

Я серб, хотя всегда считал себя югославом. У нас есть проблемы со всеми нациями. Это из-за нашей национальной политики братства и единства и из-за нашего убеждения, что все три националистических движения: сербское, хорватское и боснийское виновны в гражданской войне и военных преступлениях. Партия поддерживает процесс против Милошевича. Но мы также требуем процессов над Изетбеговичем, Месичем, Тачи и многими другими националистическими лидерами. У них были одни и те же цели, они совершили одни и те же военные преступления. Но сербы и хорваты не хотят слышать никаких аргументов в пользу Боснии и Герцеговины, а босняки убеждены, что они являются единственными жертвами. Поэтому они отказываются признавать свои собственные военные преступления. Когда мы начинаем говорить полную правду о войне, никто не хочет слышать то, что неприятно для него самого. Здесь и начинаются проблемы...

вопросы задавал Д. Суховский

МЕЖДУ БЕЛЫМИ И КРАСНЫМИ

В Ижевске недавно отметили юбилей: 85 лет назад, 7 ноября 1918 года части Красной Армии подавили мятеж рабочих Ижевского завода.

Выступления рабочих, крестьян и солдат во время Гражданской войны против политики, проводимой большевиками, стороной обходились советской исторической наукой. В лучшем случае, они получали ярлыки «контрреволюционных» и «антисоветских», их участники автоматически становились пособниками мировой буржуазии и помещиков. В принципе это объяснимо, ведь эти события не вписывались в официальную идеологию новой «рабоче-крестьянской» власти. Не вписывались они и в политические доктрины белых. Именно таким было Ижевско-воткинское восстание 1918 года.

Причинами его стали грубые ошибки «пролетарской» власти в проводимой ей политике. Большевики не учли своеобразия местных условий. Пролетарии Ижевска и Воткинска были, как правило, потомственными, высококвалифицированными. Их жизненный уклад складывался на протяжении десятилетий: все рабочие были грамотными, обеспечены постоянной работой и хорошим достатком за счет государственных заказов, имели собственные дома с развитым подсобным хозяйством. Отсюда тесная связь с деревенскими жителями.

Это все было нарушено. Сначала

Первая мировая война, затем Февральская революция. Давала знать о себе разруха. Все меньше становилось рабочих мест, падал уровень жизни, вводилась карточная система. После октября 1917 года все это усугубилось просчетами большевиков: попытки превратить рабочие Советы в послушные центральные органы, беспорядочные реквизиции продовольствия, аресты и расстрелы, подозрительное отношение к коренным рабочим.

Восстание началось 7 августа 1918 года, поводом послужила неудачная попытка мобилизации рабочих в Красную Армию. Цели восставших стали ясны сразу. Они не жаждали восстановления имперских порядков. Повстанцы выбрали старый состав Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который большевики до этого разогнали, сохранили профсоюзы. Своим символом они выбрали красный флаг, а гимназия - «Варшавянку» и «Марсельезу».

Заводы продолжали работать, а производство даже увеличилось, в основном, за счет увеличения производительности труда.

Рабочим Ижевского завода удалось решить задачу, стоявшую у то время перед любой властью. Они создали сильную, боеспособную, и в то же

КАК ЭТО БЫЛО ?

время демократичную и добровольную армию. Большинство рот имело милиционный характер, собираясь лишь в случае тревоги. Винтовки стояли прямо у станков. Офицеры, в основном выходцы с заводов, избирались в силу знаний или личного авторитета. Кроме того, вне боевых действий все были равны, приказы штаба обсуждались коллективно, командиры не имели права на дисциплинарное наказание.

Создав народную армию, ижевцы и воткинцы разбили в боях легендарных красных командиров Антонова-Овсеева, Блюхера. Часто сами красноармейцы сдавали оружие и переходили на сторону заводчан. Они видели, что приходится драться не с помещиками и буржуазиями, а с простыми рабочими и крестьянами, идущими под звуки гармошки в штыковую атаку - патроны у повстанцев не было, их добывали в бою. Под мятежный завод тем временем стягива-

лись полки, состоявшие из верных большевикам китайских, венгерских, латышских интернационалистов, чекистов. Силы были не равны, 7 ноября восставшие оставили город-завод и отступают в Воткинск. 14 ноября пал последний оплот повстанцев. До семидесяти тысяч ижевцев и воткинцев смогли перебраться к Колчаку за Каму.

Естественно, белые отнесли к рабочим полдорзительно. Однако ижевцы и воткинцы зарекомендовали себя как превосходная боевая сила. Колчак на многое закрывал глаза, в том числе, и на существование Совета рабочих и солдатских депутатов, красного флага в ижевской дивизии. В рядах же самих рабочих нарастало недовольство. Наблюдая за грабежами и погромами, уничтожением пленных, они понимали, что не о такой демократии мечтали. Кроме того, уральские, сибирские и дальневосточные пролетарии относились к ним как к предателям «дела рабочего класса». Очень много ижевцев уходило к партизанам, в Красную армию, бежали домой. Таким образом, число мятежников в рядах белых сократилось до нескольких тысяч. После взятия Владивостока остатки ижевцев эмигрировали в Маньчжурию.

Ижевско-воткинское восстание 7 августа - 14 ноября 1918 года закончилось поражением. Слишком демократичное для красных, и слишком революционное для белых оно изначально оказалось обреченным на трагический финал.

И. Карачев, Ижевск

ВПОЛНЕ СЕРЬЕЗНО

Как можно почувствовать ушедшую эпоху, узнать к чему тогда стремились люди, над чем смеялись? Откройте книгу сатирика тех лет и счетчик времени победит в обратную сторону! Вы почувствуете себя посреди давно исчезнувших улиц, в толпе давно прошедших здесь людей, узнаете об их радостях и бедах. Такую возможность дают и рассказы известного в СССР сатирика Михаила Зоценко. Они в деталях рисуют первые десятилетия советской власти - время, о котором сегодня столько спорят в левых кругах. Аргументы спора ложатся на весы, стрелка которых показывает приближался ли СССР к коммунизму. Свой аргумент на этих весах оставил и Михаил Зоценко.

Как выглядит коммунизм каждый, конечно, волен решать сам. Но если вы относите себя к гортге марксистов, естественно, нужно прислушаться к тому, что говорили об этом классики марксизма. А они писали о разных представлениях о коммунизме!

В «Экономическо-философских рукописях» Маркс писал о «коммунизме», который выступает как всеобщая частная собственность! При таком вульгарном коммунизме вещи господствуют над человеком. Обладание вещами становится главной целью жизни. Такой «коммунизм» лишает человека всего, чем на правах частной собственности не обладает остальные люди. Отсюда вырастает неестественная простота не имеющего потребностей человека. Но, по мысли Маркса, этот человек еще не возвысился над частной собственностью. Напротив, он не дорос до нее!

Картину такого коммунизма мы и находим в рассказах Михаила Зоценко. Разумеется, писатель выдумывал свои истории. Но сатира Зоценко не принесла бы ему известность, если бы в зеркале вымысла люди не узнавали реальную жизнь: полную великих перемен и нищеты.

Как, например, в рассказе «Стакан» (1923 год). На поминки маляра Ивана Антоновича Блохина собираются его знакомые - попить чаю. С одним из них приключается неприятная история.

«А я выкушал один стакашек чаю, - вспоминает герой рассказа, - и нехотю мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще чайшю неважный, надо сказать, - шваброй малость отзывает. И взял я стакашек и отложил к черту в сторону.

Да маленько неаккуратно отложил. Сахарница тут стояла. Об эту сахарницу я прибор и кокнул, об ручку. А стакашек, будь он проклят, возьми и трещину дай. Я думал, не заметят. Заметили, дьяволы.

Вдова отвечает: - Никак, батюшка, стакан тыкнули?

Я говорю: - Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Еще продержится.

А деверь нажрался арбуза и отвечает:

КОММУНИЗМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГОЛОДНЫМ

- То есть как это пустяки? Хорошие пустяки. Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тюкают.

А Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается.

- Это, - говорит, - чистое разорение в хозяйстве - стаканы бить. Это, - говорит, - один - стакан тыкнет, другой - крантик у самовара начисто оторвет, третий - салфетку в карман сунет. Это что же будет такое?

А деверь, паразит, отвечает: - Об чем, - говорит, - речь. Таким, - говорит, - гостям прямо морды надо арбузом разбивать.

Ничего я на это не ответил. Только поблдевел ужасно и говорю:

- Мне, - говорю, - товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, - говорю, - товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать. И вообще, - говорю, - чай у вас шваброй пахнет. Тоже, - говорю, - приглашение. Вам, - говорю, - чертям, три стакана и одну кружку разбить - и то мало.

Тут шум, конечно, поднялся, грохот.

Деверь наибольшее других колбасится. Съеденный арбуз ему, что ли, в голову бросился.

И вдова тоже трясется мелко от ярости.

- У меня, - говорит, - привычки такой нету - швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите. Маляр, - говорит, - Иван Антонович в гробе, наверное, повертывается от этих тяжелых слов... Я, - говорит, - шучий сын, не оставлю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю:

- Тыфу на всех, и на деверя, - говорю, - тыфу.

И поскорее вышел.

Через две недели после этого факта повестку в суд получаю по делу Блохиной».

В другом рассказе «Гости» (1927) писатель вновь обращается к теме приглашения домой знакомых. Именно на званых обедах лучше всего видны нравы общества! Итак, семья Зефи-ровых устраивает званый обед. Причем, мужская часть семейства умудряется опьянеть раньше гостей.

«(...) Гости, пожрав вволю, начали играть и веселиться. Начались жмурки, горелки и игра в шеточку.

Во время игры в шеточку открывается дверь, и входит мадам Зефирова, бледная как смерть, и говорит: - Это, - говорит, - ну, чистое безобразие! Кто-то сейчас выкрутил в уборной электрическую лампочку в двадцать пять свечей. Это, - говорит, - прямо гостей в уборную нельзя допускать.

Начался шум и треволение. Папаша Евдокимыч, конечно, протрезвил-

ся вмиг, начал беспокоиться и за гостей хвататься.

Дамы, безусловно, визжат, не допускают себя лапать.

- Хватайтесь, - говорят, - за мужички, в крайнем случае, а не за нас.

Мужчины говорят: - Пушай тогда произведут поголовный обыск.

Приняли меры. Закрыли двери. Начали устраивать обыск.

Гости самовольно поочередно выворачивали свои карманы, и расстегивали гимнастерки и шаровары, и снимали сапоги. Но ничего такого предосудительного, кроме нескольких бутербродов и полбутылки мадеры, двух небольших рюмок и одного графина, обнаружено не было». Впоследствии лампочка обнаружилась в кармане отца семейства. Перед приходом гостей он для сохранности выкрутил ее и положил в карман. А потом пьяный заснул и раздавил драгоценное имущество...

Показательные истории происходили и в сфере услуг. Одну из таких историй поведал постоялец гостиницы из рассказа «Спи скорей» (1935-37).

«(...) Из ста случаев мне только два раза удалось в гостинице комнату зацепить».

И то в последний раз я получил номер отчасти случайно. Они меня не за того приняли. Потом-то на другой день они, конечно, спохватились и предложили очистить помещение, но я и сам уехал.

А сначала любезность их меня удивила.

Портье, нюхая розу, сказал: - Только осмелюсь вам сказать, ваш номер будет с дефектом. Там у вас окно разбито. И если, допустим, ночью кошка в ваш номер прыгнет, так вы не пугайтесь.

Я говорю: - А зачем же кошка будет ко мне прыгать? Вы меня удивляете.

Портье говорит: - Видите, там у нас в аккурат на уровне окна имеется помойная яма, так что животные не разбираются, где чего есть, а прыгают, думая, что это то же самое.

Конечно, когда я вошел в номер, я

всёцело понял психологию кошек. Они смело могли не разбираться в действительности (...). Проблемы ждали постояльца и когда он, обогнув огромную лужу посреди комнаты, добрался до кровати.

«Но в первую минуту я даже не понял, что со мной. Я, как на горке, съехал вниз.

Я хотел приподняться, чтоб посмотреть, какая это кровать, что на ней так удобно съезжать. Но тут запутался ногами в простыне, в которой были дырки. Выпутавшись из них, я зажег свет и осмотрел, на чем я лежу.

Оказалось, что начиная от изголовья продавленная сетка кровати устремлялась книзу, так что спящему человеку действительно не было возможности удерживаться в горизонтальном положении.

Тогда я положил подушку в ноги, а под нее сунул свой чемодан и таким образом лег наоборот.

Но тут оказалось, что я не лежу, а сижу.

Тогда я в середине сунул палец и портфель. И лег на это сооружение с намерением, как говорится, задать храповицкого.

И вот я уже стал дремать, как вдруг меня начали кусать клопы». Злоключения постояльца расписаны на нескольких страницах рассказа. Конечно, все это вымысел. Но в иных гостиницах нечто похожее бывает и теперь...

Цитировать Зоценко можно бесконечно. Но не для того чтобы помянуть над бедностью и некультурностью разоренной войнами крестьянской страны. Вовсе нет! Рассказы Зоценко избавляют нас от иллюзии продвижения СССР к коммунизму - бесклассовому, безгосударственному обществу.

Как может отмереть государство там, где нищета заставляет людей бороться друг с другом за кусок хлеба? Кто кроме государства упорядочит эту борьбу, не допустит ее крайностей? Государство здесь объективно необходимо! Не случайно на месте разрушенного Октябрьской революцией государства тут же возникло новое - «рабоче-крестьянское». Впоследствии оно вовсе не отмирало, как должна отмирать диктатура пролетариата. Наоборот, «советская власть» побила все рекорды контроля над народным хозяйством и жизнью своих подданных.

Отмирание государства - а значит и движение в коммунизм - станет возможно, когда общество сможет обеспечить своих людей всем необходимым. Это как минимум! При этом изменятся потребности самих людей. Вот тогда стоящий над ними аппарат распределения и репрессий объективно станет не нужен. Социальная коммунистическая революция начнется не там, где человек потребует себе хлеба. Она начнется там, где человек потребует хлеба для другого человека. Но для этого он сам должен быть сыт!

И. Белов